

Глава первая. Пересечение судеб

Встреча

Он мчался сквозь пространство — неосязаемое нечто, единственное, что осталось после взрыва, уничтожившего не только корабль, но и всю команду.

Калейдоскоп звезд в черной бесконечности то и дело менял форму, подчеркивая невероятное, не сравнимое даже со скоростью света, движение, в которое он волей судьбы оказался вовлечен. Он перемещался, мимолетно удивляясь самой способности осознавать собственное существование в виде столь непостижимой малости. Бесконечность увлекала, не оставляя ни единого шанса.

Вдруг неизвестная неодолимая сила вмешалась в движение, замедлив этот полет без смысла и цели. словно некий исполин одним взмахом бейсбольной биты отправил его напрямик в приготовленную неизвестным кэтчером перчатку (кэтчер (*Catcher* (англ.) — «ловец») — игровая позиция в бейсболе и софтболе, принимает мяч, поданный питчером). Неминуемое столкновение было бы сокрушительным для любого, обладающего хоть какой-то массой, но в его нынешнем состоянии это не имело никакого значения.

В любом случае это было хоть какое-то изменение.

Движение закончилось.

Теперь его окружала темнота, но не одиночество — в ней явно ощущалось чье-то присутствие. Здесь и был тот неизвестный, изменивший траекторию бесконечного полета Еана.

Еан...

Он задумался, и воспоминания послушно выстроились в надлежащей последовательности: он — лорд Еан рю дэ Гилет, младший сын Верховного лорда Беора рю дэ Гилета и леди Теоры рю дэ Гилет, правителей звездной системы Алеот Астар.

«Мама... Она опечалится, — прилетела нежданная мысль. — Стоп (привычка к дисциплине в том числе на ментальном уровне в роду рю дэ Гилетов воспитывалась с детства), — это только одна из будущих вероятностей. Вероятно, ее можно предотвратить».

И Еан направил внимание на того, кто был здесь и сейчас вместе с ним.

Темнота оказалась телом, по странной причине не способным к полноценной жизнедеятельности, судя по различным трубочкам и проводам, снабжавшим его кислородом и питанием. «Ага, кислородно-углеродная конструкция». Еан обрадовался факту как старому знакомому. Впрочем, так и было — его собственное тело имело такой же механизм жизнедеятельности. «Если это тело вообще существует», — снова мелькнула непрошенная мысль, и Еан, по привычке прогнав ее, пообещал сам себе серьезно заняться ментальной дисциплиной немедленно, как только уладит эту проблему. Проблемой следовало считать тот факт, что в настоящий момент он, судя по восприятиям, был начисто лишен собственного привычного тела и находился от него на бог знает каком расстоянии в этом, подключенном к приборам и принадлежавшем другому существу.

Кстати, о существе.

Еан огляделся. Да вот же оно! Он не сразу распознал незнакомца, ибо тот вел себя очень странно. По всей видимости, он то ли был без сознания, то ли никак не мог решиться на какую-то определенность, но выглядело это так, словно он желает покинуть это прикованное к аппаратам тело, но не отваживается. Преисполнившись

сострадания к несчастному, Еан, позабыв, что он сам, возможно, находится в куда худшем положении, решился на ментальное вмешательство.

— Ты кто?

Вопрос, похоже, вызвал еще большее замешательство, и Еану пришлось повторить:

— Ты кто?

— Я Стефан, — на секунду замешкавшись, ответило существо.

— Расскажи о себе, — попросил Еан. — Ты не словами говори, ты думай — я пойму.

Незнакомец явно обрадовался, что он не один. Он перестал метаться и слегка раздвинул границы своего пространства, где, как в калейдоскопе, переливались картинки жизни. Еан внимательно смотрел на жизнь Стефана Шумахера.

Скорость была его призванием. Скорость, реакция и расчет.

Маленькому Стефану не составляло никакого труда рассчитать траекторию летящего мяча или бегущего соперника и успеть занять наилучшую позицию для выигрыша. Возможно, он не был самым сильным — перед Еаном пробежал ряд картинок, где Стефану явно досталось от более старших соперников, но в скорости и расчете ему не было равных. «Так вот как ему удалось поймать меня, — почти усмехнулся Еан своей догадке. — Парень мог бы быть звездой бейсбола».

Но Стефан оказался гонщиком.

Еану едва удалось сохранить невозмутимость, оказавшись лицом к лицу с воспоминанием: тонированное стекло шлема, змеящаяся перед ним линия трассы, обитой для безопасности старыми шинами, сливающимися в темные полосы на периферии бокового зрения, нос болида — вишневого цвета торпеда, подчиняющая свою траекторию малейшему движению руля, управляемого уверенной рукой в черно-серой перчатке, грозный рокот форсированного двигателя, к которому на поворотах примешивается оглушительный визг покрышек по асфальту, запах горелой резины, приносимой в жертву гонке, и этот бурлящий поток адреналина в крови, пьянящий и в то же время обостряющий до невероятности все до единого чувства...

Перед Еаном разворачивалась гонка.

Монитор над кроватью зафиксировал изменения сердечного ритма и отреагировал тихим писком. Над дверью палаты зажглась сигнальная лампа, и дежурная медсестра, привлеченная сигналом, заглянула в палату. Тело, погруженное в кому, продолжало неподвижно лежать на кровати. Только пульс пациента чуть ускорился.

На всякий случай проверив приборы и повернув регулятор на капельнице, сестра сделала соответствующую отметку на карте, предусмотрительно размещенной в изножье кровати. «Стефан Шумахер, 24 года, — прочитала она. — Такой молодой, — покачала головой в белой форменной шапочке. — Так жаль».

Она хорошо знала свою работу, но как же обидно дежурить по ночам рядом с тем, кто вряд ли в состоянии даже когда-нибудь прийти в себя, не то что выздороветь. «Уж лучше разрешили бы эвтаназию для безнадежных больных», — поймал ее мысль Еан. Но вмешиваться, к счастью, — он не был уверен, что в теперешнем состоянии смог бы предотвратить беду, — не пришлось.

Убедившись, что профессиональная помощь не требуется, сестра покинула палату.

Пульс продолжал уверенно биться.

То ли устав от непривычного способа беседы, то ли под влиянием увеличившейся дозы лекарств, но Стефан уснул. Разумеется, трудно назвать сном состояние, в котором тело пребывает в коме, а разум — в бессознательности. Но это было гораздо

лучше, чем то, предыдущее состояние, когда дух собирался покинуть тело. И во всяком случае, это давало Еану передышку и возможность обдумать ситуацию.

Итак, он — Еан. Что еще подскажет ему тренированная память?

Он постарался вернуться в момент катастрофы.

Да, так и есть, корабль шоргов вынырнул неизвестно откуда. «Как они умудрились остаться незамеченными для систем слежения корабля? Надо будет дать подробный отчет корабелям», — мелькнула параллельная мысль. Тем более что ни с чем подобным за свою относительно короткую жизнь он не сталкивался. Да, пожалуй, и не только он. Шорги, по всей видимости, совершили прорыв в технологии, создав не только возможность оставаться незаметным, но и умудрились вскрыть обшивку, способную противостоять метеоритной атаке, впуслав внутрь едва ли не дюжину шорговских киборгов, вооруженных тончайшей сетью, в которую и оказался захвачен Еан. Несмотря на попытки команды отбить атаку, шоркиборги жертвовали собой, подчиняясь единственной цели — захватить пленника живым. Впрочем, иначе как о живом Еане и речи быть не могло. Не зря же к их родовому имени рю Гилет добавлена частица «дэ», означавшая фундаментальнейшее качество, присущее всему роду рю Гилет: бессмертие. Нет, разумеется, речь ни в коем случае не могла идти о вечном бессмертии — это было бы худшим из возможных проклятий. То была система регенерации, позволяющая быть «неубиваемым» почти тысячу, а то и больше лет.

Каким-то образом много поколений назад рю Гилеты приобрели это врожденное качество: без согласия самого хозяина никакая внешняя сила не могла уничтожить тело. Правда, неизвестно, регенерировало бы оно, если развеять его на атомы, до сих пор такого не случалось, но за тысячелетия неубиваемости род рю дэ Гилетов смог не просто сохраниться, но и занять главенствующее положение сперва на родной планете, а позже — в звездной системе Алеот Астар, превратив ее из раздираемой междуусобными войнами части галактики в процветающую монархию.

Вероятно, поэтому шорги так стремились захватить тело, запоздало сообразил Еан. Возможно, они хотели получить пленника или просто боялись, что если развеют Еана на молекулы, то регенерирует каждая из них. «Трудновато им пришлось бы с таким количеством рю дэ Гилетов», — усмехнулся Еан про себя. Но как бы там ни было, понять шоргов было не просто затруднительно, но практически невозможно. А потому этот вопрос Еан отставил в сторону как риторический и продолжил размышлять.

Будучи захваченным в ловушку, он еще видел схватку между солдатами корабля и шоркиборгами. Затем его, спеленутого паутиной, оказавшейся вполне надежной защитой от космических лучей, доставили на вражеский корабль, и тот немедленно начал движение. Последним, что Еан видел глазами тела, был взрыв, уничтоживший его собственный корабль вместе с командой. Потеря оказалась столь невыносимой, что он, от отчаяния утратив контроль над собой, покинул тело, и его отбросило от корабля в бесконечный полет, приведший его к Стефану, спящему в прикованном к кровати телу.

Кстати, о теле...

Еан решил еще раз более внимательно обследовать эту теперь уже их общую со Стефаном территорию. Начав с ближайших мест, он методично осмотрел все, мысленно создавая схему жизнедеятельности. Завершив изучение, он постарался воспроизвести все в целом и сравнить с конструкцией тел алеотов — родной расы. Оказалось, что тело Стефана не просто углеродно-кислородное, но и гуманоидное. Более того, оно было если не совсем, то почти таким же, как алеотские. Еан

обрадовался и послал мысленную благодарность старому рю Марану, в свое время потратившему немало сил, чтобы вдолбить неусидчивому ученику основные данные о жизнедеятельности гуманоидных организмов. Настала пора заняться ревизией повреждений.

Следовало быть очень аккуратным, чтобы не пропустить разрушения, замаскированного работой медицинских приборов. Собрав все свое внимание, он вновь направил его на тело, фиксируя травмированные области. Их оказалось немало. Складывалось впечатление, что на Стефана обрушилось что-то невероятно тяжелое и бесформенное, смявшее ткани, как бумагу, и раздробившее множество костей.

Однако, несмотря на удручающую картину, с этим, кажется, можно было что-то сделать. Наименее пострадавшим, несмотря на смятую грудную клетку и раздробленные ребра, оказалось сердце. Сейчас оно работало с помощью машины, но, в сущности, ничто, за исключением наркоза, не мешало ему выполнять свою функцию самостоятельно. Сильно пострадавшая печень, к счастью, сама по себе имеет свойства к регенерации. Все, что требуется от Еана, — это слегка ускорить процесс. Хуже дело обстояло с позвоночником: два позвонка раздроблены, и один из осколков перекрыл поток жидкостей и сигналов. Остальные кости, даже те, что были раздавлены в крошку, беспокойства не вызывали — немного внимания и правильного ухода, и срастутся как миленькие. В этом Еан был просто уверен.

Ему ли не знать: за свои девяносто восемь лет он регенерировал части собственного тела куда чаще, чем его смертные сверстники. Те, несмотря на тысячулетнюю среднюю продолжительность жизни, бессмертием не обладали и потому гораздо бережнее относились к телу. Что, собственно, и делало Еана победителем в любой схватке: невозможно же всерьез попытаться одержать верх над тем, кто не боится поражения! Кстати, по всей видимости, именно это бесстрашие в совокупности с интеллектом и ментальной дисциплиной и стало одной из основных причин того, что рю дэ Гилеты возглавили империю.

— Посмотрим, как мне удастся справиться с этим телом, — неосторожно громко подумал Еан, разбудив дремавшего Стефана.

— Ты хочешь что-то сделать со мной? — Стефан пробудился и занервничал.

— Конечно! Но не с тобой, а с твоим телом. Ты же не хочешь остаться лежать прикованным к постели.

— А сейчас я прикован?

— Смотри.

Еан развернул мысленную схему разрушений, давая пострадавшему осознать масштаб проблем. Сам, с перекрытыми восприятиями, тот, конечно, сделать этого не мог.

— Нет! — Волна ужаса хлынула на Еана таким мощным потоком, что едва не вынесла его наружу. — Я умру!

— Да погоди ты вопить!

Следовало как можно скорее остановить панику, пока этот парень не сбежал. Несмотря на молодость — что такое девяносто восемь лет в самом-то деле? — Еан знал, что именно паника чаще всего бывает главной причиной смерти.

— Смотри!

Он принялся мысленно наносить на схему план регенерации. Это не было обязательной частью терапии, но помогало переключить внимание на позитив.

— Сначала попробуем восстановить поток через ось тела, растворим осколок в крови. По-любому кальций не пропадет, его остальные кости миглом растащат.

— Ты о позвоночнике? — Стефан послал картинку: какой-то рисунок, выполненный дилетантом, — таким он был двухмерным и плоским.

— Ага, о нем.

— А как же позвонки? — Кажется, Стефан опять был близок к панике.

— Да что ты заладил «позвонки, позвонки»... Их всего-то два поврежденных. Выставим границы и будем наращивать, пока не заполним костной массой. Конечно, время пройдет: неизвестно, как быстро твое тело будет работать. Но в любом случае, начинать же с чего-то надо. Согласен?

Разумеется, ничего, кроме согласия, от Стефана не ожидалось. Но с детства усвоенные нормы поведения требовали получить от пациента добро на вмешательство. Кроме того, это открывало возможность сотрудничества.

— Тебе тоже будет чем заняться. Когда я уберу затор, пойдет поток. Ты внимательно следи за ощущениями и сразу скажи мне. Только не отвлекайся!

Этому приему Еан научился от отца.

Верховный лорд никогда не запрещал детям присутствовать на любых, даже самых важных переговорах. Единственным условием было соблюдение правил общения: не вмешиваться, не перебивать, но отвечать, причем вежливо, если кто-то к ним обратится. Таким образом решалось сразу несколько задач. Во-первых, дети привыкали общаться не только с родителями, воспитателями и сверстниками, но и с совершенно незнакомыми людьми, к тому же разного возраста, пола и даже расы. Во-вторых, их обучение технологии управления дополнялось обширной практикой — где еще найдешь живые примеры для изучения, кроме как на реальных переговорах, таких, например, как дискуссия с бо Утуру («бо» (кит. 伯) — «военачальник», «правитель области»), управляющим планетной системы Тигардена, славящимся необычайно сварливым характером. Ну и, в-третьих, устанавливались прочные коммуникационные линии между членами правящей династии и подданными любого ранга. Это давало неоспоримые преимущества — ни у кого не возникало даже тени сомнения в правомочности действий Еана, которому, несмотря на юный возраст, отец регулярно давал поручения. И если сыну по какой-то причине казалось трудным выполнить приказ, отец поступал очень просто: он добавлял заданий так, что первый приказ выглядел уже сущей мелочью по сравнению с тем, что еще требовалось сделать. Таким образом достигались сразу две цели: выполнялось больше работы и исчезало любое волнение по поводу собственной неспособности справиться с поручением.

Вот Еан и решил воспользоваться папиной наукой, переключив внимание Стефана со страха на содействие.

Тот, как и ожидалось, внял голосу разума:

— А куда смотреть?

— Не куда, а как. Смотри внутренним зрением туда, где будешь чувствовать изменения. Готов? Тогда приступим.

Еан сосредоточился на ближайшем сломанном позвонке с самым крупным осколком. «Да, с этого и начнем», — решил он. Исследовав желудок, он нашел там достаточно кислоты для растворения. Для защитной оболочки пришлось использовать клетки гематомы, покрывшей весь поврежденный участок. Уже лишённые жизни, они, разумеется, не сотрудничали, и кровяным тельцам пришлось передвигать этот строительный материал, выстраивая надежную защиту. Аккуратно, чтобы не сжечь сосуды, Еан переместил кислоту по кровяным каналам напрямик к поврежденному месту, и она, как и ожидалось, немедленно принялась за работу. Химия оставалась неизменной в любой части вселенной — небольшой, в сущности, осколок стал

стремительно уменьшаться.

Еан вывел образовавшийся раствор за защитную стенку и только после этого убрал защиту. Жидкости тела немедленно хлынули в образовавшуюся полость, а нервный канал зафиксировал движение. Стефан застонал, и монитор вновь отметил учащение пульса. Сестра, которой вскоре предстояло смениться, неохотно заменила опустевшую капельницу и сделала отметку в карте. «И чего бьется? Уж остановилось бы, и хлопот меньше», — с досадой подумала она.

Эта мысль повисла в воздухе, требуя как только можно ускорить регенерацию. Еан старался изо всех сил. Еще одна капельница закончилась еще до утреннего обхода.

Дневная медсестра предупредительно открыла перед врачом дверь.

Размер страховки пациента говорил сам за себя, и заведующий отделением отложил административную работу, чтобы лично курировать знаменитого гонщика. Снисходительно наклонив голову, он слушал отчет о состоянии больного. Затем приступил к непосредственному осмотру пациента. Ничего хорошего, разумеется, не ожидалось, но следовало ни на минуту не забывать об установленных в палате реанимации камерах. Они должны зафиксировать безукоризненное выполнение врачебного долга. А потому каждый не покрытый гипсом сантиметр лежащего на кровати тела подвергся тщательному осмотру. Почему-то особенного внимания удостоились пальцы на ногах. Сестра, впервые сопровождавшая главного, с удивлением смотрела, как светило, тщательнейшим образом прощупав их, о чем-то глубокомысленно задумалось. Сама она не видела ничего необычного в этих пальцах. По крайней мере, на ее взгляд, они ничем не отличались от любых других пальцев, виденных ею в этом тяжелом отделении, — но мало ли о чем думает начальство. Она же не умела читать мысли в отличие от Еана, без труда уловившего суть идеи: «Надо бы ногу ампутировать. Во избежание гангрены. Все равно парень не жилец, а так побольше страховки отработаем».

Что такое страховка, Еан не знал, но от идеи ампутации пришел в ужас: «Да что же за медицина на этой планете! Почему они не занимаются регенерацией? Что за варварство!»

На его родине подобное было попросту невозможным. Предварительное решение о подобном вмешательстве принималось на уровне Большого медицинского совета планеты, в чью обязанность входила полная инспекция деятельности врача, обратившегося за подобным разрешением. В случае необоснованной просьбы тот мог навсегда лишиться права работы.

Но даже если совет давал одобрение, право принятия окончательного решения принадлежало только и исключительно владельцу тела: никто не взял бы на себя ответственность за нанесение ущерба чужой собственности.

Еан вспомнил судебное дело с планеты Фермоза. Брачные обычаи тамошних аборигенов приводили к огромному травматизму среди молодежи. Раз в четыре года, в сезон планетарных брачных игр, туда приглашали медиков если не со всей галактики, то с дюжины ближайших планет. Правительство делало все, чтобы сохранить здоровье молодежи, не щадящей себя во имя традиций. В деле фигурировал отказ владельца тела в ампутации поврежденной части правого окончания хвостового отростка, единственная функция которого сводилась к раскрытию хвостового веера, как того требовал брачный обряд. Потеря хвостового отростка никоим образом не сказывалась на жизнедеятельности, однако юноша счел невозможным лишиться этого символа мужественности, предпочтя быструю смерть долгому прозябанию в статусе изгоя. Большой совет обратился в суд против коллеги,

допустившего гибель пациента, но проиграл: суд единогласно признал право юноши на распоряжение собственным телом.

Протест, который ощутил Еан, оказался столь силен, что тело на него среагировало и слегка дрогнуло. Врач, не сумевший распознать источник движения, с испугом отдернул руку. С сомнением глянув на пациента и убедившись, что он по-прежнему в коме, а стало быть, шевелиться не может, он решил, что дрожь вызвана вчерашними дружескими посиделками, и решил пока не рисковать. Страховка, конечно, страховкой, но надо быть сумасшедшим, чтобы рисковать своим положением, взявшись с похмелья оперировать.

И он заторопился вон из палаты.

Сестра проводила взглядом удаляющуюся спину светила и принялась за свои прямые обязанности. Что-что, а дело свое она знала.

Прочитав записи ночной смены, она обнаружила, что капельницу ставили дважды за ночь. Это было несколько странным, но, в сущности, безобидным отклонением. К тому же вреда пациенту от этого точно не было — пульс выровнялся, и давление нормализовалось. Решив, что еще одна капельница не повредит, она подключила новый контейнер и вышла.

Когда за ней закрылась дверь, Еан буквально перевел дух. Он до сих пор не мог прийти в себя от пережитого потрясения. Теперь он понимал, чем была вызвана паника, охватившая Стефана: тот, как видно, отлично знал местные традиции. «Нельзя допустить, чтобы это вполне пригодное к жизни молодое тело искалечили, — надо поторапливаться», — решил Еан.

— Как дела?

— А? — Стефан, похоже, так старался выполнить поручение, что даже не заметил, какому риску только что подвергся.

— Как дела? Что происходит?

— Да я даже не знаю... — Он еще раз прислушался и вдруг с удивлением объявил: — Кажется, пальцы на ногах замерзли.

«Еще бы им не замерзнуть, — подумал Еан, — если никто не позаботился их как следует укрыть после осмотра. Ладно, это малое из зол». По-видимому, визит остался незамеченным для его товарища. Он решил промолчать, чтобы не создавать большее расстройство.

— А раньше ты свои ноги чувствовал?

Стефан сосредоточился и вдруг с удивлением констатировал:

— Нет... А может, они раньше не мерзли?

— А мы не знаем. — Еан даже представил себе, как бы он ухмыльнулся, если бы был в собственном теле. — Потому что контакта с ними не было. Вспомни.

— Да, точно! Я их просто не чувствовал... Так тебе удалось? Ты растворил осколок? А я даже не заметил!

«Конечно, ты не заметил. — Еан совершенно не удивился. Судя по всему, на этой планете не работали с телами на молекулярном уровне, и парень попросту не знал, насколько тонким может быть вмешательство. Он, небось, так приготовился терпеть боль, что даже не ощутил локального повышения температуры во время химической реакции.

Ну ладно.

Похоже, промелькнувшая было идея обучить Стефана только что потерпела полное фиаско. Придется справляться самостоятельно.

— Хорошо. Ты согласен, чтобы я начал наращивать новые позвонки?
Формальность требовала подтверждения, и он было тут же получено:

— Конечно!

— Отлично. Тогда мне нужно твое содействие. Мне надо, чтобы ты спал.

Почему-то углеродно-кислородные тела лучше всего восстанавливались во время сна. Только когда владелец тела спал, парасимпатическая нервная система работала на полную мощность. И хотя тело пребывало в коме, то, что сам Стефан бодрствовал, затрудняло процесс. Молодой гонщик, по-видимому, знал или догадывался об этом, ибо согласился почти безропотно.

— А ты не уйдешь?

Еан усмехнулся про себя детской наивности вопроса и поспешил успокоить товарища:

— Не уйду. Пока тебя не починю, не уйду. Спи.

И Стефан послушно заснул.

Монитор тут же отразил изменения в состоянии больного и сообщил об этом легким писком. Сестра, немедленно появившаяся на пороге, впрочем, не нашла ничего внушающего опасения. Она поправила одеяло и вышла.

Еан трудился, как проклятый.

Слишком много переломов, слишком мало кальция. И чего они экономят? Очевидно же, без кальция костям попросту не из чего строиться. Приходилось идти на жертвы, беря строительный материал из здоровых костей. «Вот погоди, — мысленно разговаривал он с телом, — я тебя починю, а потом уже, когда ты на ноги встанешь, столько кальция найдем — будет скелет, как у динозавра».

Тело, впрочем, не спорило. Почувствовав поддержку, оно на своем, животном, уровне изо всех сил старалось сотрудничать, чутко реагируя на помощь.

Утром вновь был обход.

Осмотрев каждый сантиметр, врач изрядно удивился, обнаружив, что пальцы ног, торчащие из-под гипса, не имеют никаких признаков воспаления. Похоже, гангреной тут и не пахло. «А ведь он, пожалуй, выкарабкается, — подумал он. — Ходить, конечно, не будет, но и в коляске люди живут. По крайней мере, можно будет насчитать страховку за реабилитацию». И, одобрительно похлопав по плечу дневную сестру, он покинул палату.

Еан перевел дух. Кажется, резать не будут.

Пока медсестра занималась гигиеническими процедурами, он отважился на контакт. «Кальций, нужен кальций!» — изо всех сил старался он донести идею до головы в форменной шапочке. Сестра еще какое-то время продолжала обтирания, но вдруг в недоумении выпрямилась и заозиралась в поисках то ли бесплотного голоса, то ли кальция. Источник идеи ей обнаружить, конечно, не удалось, а вот кальций оказался в наличии. Несколько неуверенно она принялась прилаживать капельницу.

«И магний!» — вдогонку почти кричал Еан.

Та уже совсем растерянно завертела головой, но выполнила и эту команду. Теперь было из чего строить кости.

Еан никак не мог вспомнить, как именно назывались эти гигантские животные, которых использовали фермеры на одной из небольших планет звездной системы Акаб. Их метаболизм позволял им работать без сна и отдыха в течение всего сезона

уборки урожая, перетаскивая огромные контейнеры с местными фруктами — источником доходного экспорта. По окончании сезона животные впадали в продолжительную спячку, просыпаясь только для того, чтобы зачать потомство. Роды и вскармливание детенышей тоже происходили во сне, а к сезону урожая малыши уже могли не просто самостоятельно передвигаться, но и перетаскивать небольшие грузы.

Похоже, Еан основательно устал, раз стал напоминать себе об этой странной разновидности экзотической фауны. Во всяком случае, возможность впасть в небольшую спячку его очень порадовала бы, ибо рутина утомляла. Лучшим отдыхом, конечно, стала бы прогулка, но об этом можно было только мечтать — надзор пока требовался непрерывный. Поймав себя на глупости, он велел себе выбросить ее из головы немедленно: энергии на расстройство тратится немало, а пользы для дела — шиш. «Нет, вернусь — и сразу к старому рю Дерку. Лучше него специалиста по ментальной дисциплине не найти».

Во всяком случае, он вполне мог бы гордиться результатами своего труда. В одиночку, без всякой помощи ему удалось практически восстановить это тело за относительно короткий срок.

Заведующего отделением интенсивной терапии вырвал из сна телефонный звонок.

— Шумахер вышел из комы! — Голос ночной сестры осип от волнения и звучал как из подземелья. — Вы слышите, доктор? Шумахер очнулся!

Обалдевший спросонья, тот не сразу сообразил, что речь идет не о знаменитом на весь мир гонщике, а о его однофамильце с той же профессией, находящемся сейчас к тому же на собственном особом контроле врача.

— Сейчас буду! — На ходу одевшись и оседлав шею галстуком, он ринулся в гараж.

Спустя полчаса, не встретив по пути ни единой машины, он уже припарковался прямо у входа в приемный покой и сломя голову ринулся к лифтам. Промчавшись со скоростью экспресса по этажу, эскулап с пытением ввалился в палату и прищурился от неожиданно яркого света. Когда глаза адаптировались, а дыхание восстановилось, он обнаружил, что еще недавно не подававшее признаков жизни тело внимательно смотрит на него с подушки.

— Здравствуйте, доктор. Я рад, что вы приехали.

Голос звучал хрипло, но так и должно было быть — в конце концов, эти связки не работали почти полторы, а может, и все две недели. К тому же все это время им изрядно мешал зонд, который сестра вытащила, не дождавшись врачебного распоряжения.

«Живой! Невероятно! Ну уж теперь страховщики раскошелятся по полной программе.

— Широко улыбаясь, врач приблизился к кровати. — Да я еще и имя себе на этом случае сделаю. Надо будет статью написать».

— Здравствуйте, мой дорогой, с возвращением! А уж как я рад, что вы очнулись, вы и представить себе не можете!

Собственно, в этом не было никакого лукавства. Он действительно был чертовски рад. И неважно, что имелся дополнительный мотив в виде страховки — это только усиливало радость. Повинуясь профессиональному долгу, он попытался приступить к осмотру, но пациент его остановил:

— Погодите, доктор. Можно мне поесть? Я мяса хочу. И чаю сладкого.

— Чаю? Да, конечно, чаю сладкого можно немедленно. — И врач так выразительно посмотрел на ночную сестру, что ее словно ветром сдуло из палаты. — А вот с мясом даже не знаю...

— Но мне очень хочется! Хотя бы курицу...

Взгляд с подушки и интонация голоса были столь красноречивы, что доктор моргнул — именно таким тоном его трехлетняя внучка добивалась от любящего деда всего, чего угодно. Он даже сглотнул, словно почувствовав неодолимое желание пациента поесть нормальной пищи.

— Давайте-ка не будем рисковать. — Здравый смысл все же взял верх над эмоциями. — Я разрешу вам выпить бульон и попрошу, чтобы туда измельчили небольшой кусочек курятины. Такой компромисс вас устроит? А завтра посмотрим — не исключено, что уже и можно будет.

Сестра принесла горячий сладкий чай и принялась поднимать подушки, устраивая больного поудобнее. И пока сестра помогала воскресшему Шумахеру, доктор отправился в свой кабинет, чтобы заказать в ресторане особое блюдо — бульон с кусочками курицы. Надо заметить, что в приступе радости заказ он оплатил со своего личного счета.

Налюбовавшись хорошим аппетитом молодого человека и последовавшим за ночной едой крепким сном, доктор отправился домой, лелея надежду попасть в историю медицины.

Еан наконец-то решился.

По правде говоря, ему давно уже требовалась смена деятельности, да и надо же, в конце концов, сориентироваться, куда он попал. А потому, убедившись, что все идет правильно: Стефан спит, а тело восстанавливается в строгом соответствии с заданной программой, — он решил прогуляться.

Установив на всякий случай метку рядом с госпиталем, чтобы не заплутать возвращаясь, он поднялся над городом и принялся осматриваться. С детства обученный мыслить космическими масштабами, он попытался определиться со звездой, скрытой по ночному времени в тени планеты — на небе виднелся только серебристый серп ночного светила. «Тоже мне проблема, — усмехнулся Еан про себя, поднимаясь и привычно направляя внимание на ближайшие видимые созвездия. — Вот и Кассиопея, и Альфа Центавра... Ну и куда же меня занесло?»

О нет!

В первый момент возникло невероятное искушение сделать вид, что это ошибка, и попробовать определиться с местоположением еще раз. Но уж кто-кто, а он-то точно знал, что никакой ошибки нет и не может быть: его внутренний навигатор работал четко. По какому-то невероятному стечению обстоятельств он оказался именно там, где хотел быть меньше всего. «Как они называют свою планету? — задался он вопросом и немедленно получил его: ноосфера вокруг него хранила все мыслимые названия. — Ага, Земля... Ну что же, пополни свой опыт, узнай и этот мир».

А что еще оставалось делать?

И он спустился ниже, пытаясь уловить, чем и как живут на этой планете ее обитатели. Исследование оказалось настолько захватывающим, что он почти потерял счет времени. Еще бы — здесь оказалось множество разных рас и народов, образующих связи и отношения, которых хватило бы на несколько планет, а то и созвездий. «Надо же, какой поразительный конгломерат. — Еан не уставал удивляться и восхищаться причудливостью происходящего. — Они до сих пор не сдаются!» Наконец, насмотревшись вдоволь, он вернулся и немедленно обнаружил, что за время его отсутствия Стефан решил взять бразды правления в свои руки.

Никакой ошибки: вполне бодрого пациента куда-то везли прямо на кровати, оборудованной, как оказалось, колесами. Еан решил не суетиться, а тихо

понаблюдать. Заодно он быстро пробежался по основным поврежденным участкам тела, отметив, что результат более чем заслуживает одобрения. Не будучи дипломированным врачом, а имея за плечами лишь курс по выживанию, усиленный неистребимым намерением доктора рю Морана вдолбить императорскому наследнику все, что только могло пригодиться тому в долгой тысячелетней жизни, он справился на славу.

Конечно, до полного выздоровления еще необходимы время и тренировки, но основа сложилась прочно. Оба позвонка еще не нарастили достаточный костный слой, но уже обволокли нервный ствол со всех сторон, обеспечив защиту для нервных потоков. Ребра тоже потихоньку срастались. Чуть хуже обстояло дело с трубчатыми костями ног, но через небольшое время и они придут в полный порядок. Что касается печени, то, пока Стефан спал, тело усердно трудилось над ее регенерацией и изрядно преуспело.

В общем, дело шло на лад.

Что, впрочем, вскоре подтвердили и местные врачи. Они, как оказалось, не обучены использовать собственные органы чувств и вынуждены просвечивать тела лучами, сродни космическим, но очень-очень слабыми. Почему-то этот метод назывался рентгеном. Изображения на пленке, судя по наблюдениям, вызвали у местных специалистов огромный ажиотаж. Доктор, который поначалу хотел отрезать ноги, теперь потрясал снимком кости голени и вещал о собственном предвидении целой куче обступивших его людей в белых халатах. Еану очень хотелось припомнить доктору первоначальное намерение, но он решил проявить великодушие. В конце концов, насколько он мог судить, радовался тот совершенно искренне.

После того, как все эти люди вдосталь навосторгалась достигнутым успехом, Стефана отвезли обратно в палату, где он, накормленный теперь уже настоящей курицей, снова уснул.

Еан же вновь отправился изучать планету, упоминания о которой на родине не пользовались популярностью. Изучать, сопоставлять и думать.

С утра врач разрешил Стефану принимать гостей, и Еана отвлек громкий возглас «Мама!», которым тот приветствовал вошедшую в комнату даму с выкрашенными в ярко-огненный цвет волосами и стремительно бросившуюся обнимать попавшего в беду ребенка.

«Мама, она и есть мама», — подумал Еан, вспомнив, как маленьким он свалился, не удержавшись в седле, с испугавшегося чего-то зирга, а его собственная мать, совершенно позабыв о статусе первой леди, бежала к нему на помощь. Улыбнувшись про себя, он снова отдалился, чтобы проявить деликатность и не мешать Стефану наслаждаться материнским вниманием.

Возвращение оказалось омрачено ощущением мрачной безнадежности: посторонних в палате не было, но пациент изменился до неузнаваемости. Внешних изменений не заметил бы ни один посторонний человек, но Еан-то посторонним в настоящий момент точно не был. Пожалуй, никто в целом мире не знал сейчас Стефана лучше, чем он. Ну, за исключением, конечно, самого Стефана. А тот был не похож сам на себя. Еще утром излучавший радость, сейчас его новый друг впал в оцепенение, полностью закрывшись от любого контакта с окружением.

— Как дела? — Еан мог поклясться, что вопрос услышан, однако ответа не последовало.

«Ну что же, не впервой», — вздохнул он, вспоминая, как долго тренировали его в

Центре подготовки капитанов именно по части улаживания всевозможных эмоциональных срывов в команде. Как бы ни готовили каждого члена команды, как бы ни проверяли на психическую устойчивость, алеоты, да и не только они — то же самое можно было сказать почти о любой расе галактики, — оставались подверженными эмоциям. И в условиях дальнего космоса, когда помощи извне ждать не приходится, для сохранения работоспособности всей группы капитан должен уметь справляться с подобными расстройствами собственными силами. От всякого рода химических препаратов пришлось отказаться еще несколько тысячелетий назад: оказалось, что лекарства хоть и блокировали негативные эмоции, но превращали дееспособного члена команды в обузу. А потому одним из обязательных требований к капитану являлось умение улаживать расстройства на ментальном уровне.

«Ну вот, поздравляю, — обратился он сам к себе. — Хоть ты пока лишен собственного тела и команда у тебя всего из одного человека — ты снова капитан. Давай, принимайся за дело!»

И он взялся за работу.

Стефан, конечно, не подозревал, с каким специалистом имеет дело, и упорство, с которым он пытался спрятаться от проблемы, выглядело детской попыткой, справиться с ней не составляло большого труда. Вскоре Еан с удовлетворением наблюдал, как оцепенение сменилось бурно хлынувшими слезами.

Поток рыданий потихоньку иссяк, и наконец в поле видимости появилась причина расстройства: перед мысленным взором обоих пошли образы, которые память Стефана выдавала с невероятной быстротой. В каждой картинке, в каждом эпизоде присутствовало одно и то же лицо.

— Кто это?

— Николь, — прозвучал ответный полувздых-полувсхлип.

Чувства эстетики Еану более чем хватило, чтобы определить: перед ним — настоящая красавица. Уж очень гармонично сочетались между собой все детали ее высокого стройного тела, начиная с удлиненного лица с небольшими, но выразительными скулами, обрамленного свободно падающими на плечи прямыми почти белыми волосами — до длинных, совершенной формы конечностей, обеспечивающих струящуюся пластику движения. Глаза — большие, пронзительно голубого цвета — смотрели прямо, очевидно свидетельствуя о наличии характера.

По всей видимости, расстройство Стефана вызвало нечто, связанное с этой красавицей. Судя по содержанию картинок, их с девушкой связывали более чем нежные отношения, и Еану не пришлось ломать голову в догадках. «Надо же — ломать голову», — усмехнулся он, удивляясь столь явному несоответствию его нынешнего положения с устойчивой фразой, вылезшей так некстати. С другой стороны, ни разу ему не доводилось слышать, чтобы хоть кто-нибудь оказывался в его положении, а потому, вероятно, во всех остальных случаях у того, кто ломал голову, эта самая голова, по крайней мере, была.

Итак, Николь являлась, по меньшей мере, сексуальным партнером Стефана и играла в его жизни очень большую роль. Так что же такое случилось, чтобы парень настолько потерял контроль над собственными чувствами?

Разгадка оказалась банальной до невозможности. «Неужели в каждой цивилизации обязательно повторять одни и те же ошибки», — мелькнуло непрошеное сравнение. В одной из картинок всплыло письмо, которое красotka, по-видимому, не отважившись прийти лично, а возможно, просто не желая тратить время, передала возлюбленному («Да нет же, бывшему возлюбленному», — поправил себя Еан) с его

матерью.

Стефан — а вместе с ним и Еан — вновь перечитывали короткое послание:

«Дорогой Стефан.

Мне очень жаль, что с тобой случилась такая неприятность.

Ты, конечно, герой, но ты же сам понимаешь, что в своем теперешнем состоянии никак не можешь быть мне полезен.

Я не думаю, что есть смысл продолжать наши отношения.

Фрау Амалия сказала, что ты в коме и неизвестно, очнешься ли.

На тот случай, если ты очнешься, я передала с ней письмо.

Надеюсь, ты не слишком расстроился. В конце концов, если ты все же придешь в себя, тебе все равно придется привыкать к новому образу жизни.

Удачи.

Николь».

Еан считал себя достаточно закаленным в области взаимоотношений с противоположным полом, но даже его захлестнула волна отвращения к цинизму, сквозившему в каждой строчке: «Надо же — неприятность! Да если бы не мое вмешательство, парень до конца жизни оставался бы прикованным к постели. И это она называет неприятностью!»

Пожалуй, Стефану было от чего впасть в отчаяние.

С другой стороны...

— С другой стороны... — Еан решил брать быка за рога. — С другой стороны, она ведь не знает, что ты очнулся.

— Знает. Мама ей сказала.

— И что?

— И ничего. Она сказала, что все уже для себя решила и не хочет подавать ложных надежд.

— Понятно. А ты? Ты чего хочешь?

— А что, ты можешь ее вернуть?

В голосе Стефана явственно прозвучал сарказм, и это было хорошо.

— Вопрос не в том, что я могу, а что — нет, а в том, чего хочешь ты. Что ты сам для себя считаешь правильным? Возможно, она изменит мнение, когда узнает, что уже через пару недель ты и думать позабудешь о переломанных костях. — Еан не стал добавлять, что впереди долгий период восстановительных тренировок.

— И что? Что это изменит? Я имею в виду, — Стефан решил внести уточнение, — что отношения двоих — это вопрос доверия, а не каких-то там костей. Даже если она передумает и вернется, как я смогу ей верить?!

Возразить на это было нечего.

Собственно, Еан прекрасно понимал, что Стефан прав, и несказанно обрадовался, что тот сам пришел к единственно правильному решению. К тому же такое состояние дел очень устраивало самого Еана. В конце концов, у него-то тоже есть свои планы, и никакая Николь туда вовсе не входит.

— Так ты будешь сообщать ей о своем выздоровлении?

— Нет! — Ответ был произнесен вслух и прозвучал более чем категорично. — Нет! Предателей не прощаем.

В памяти Стефана тут же вспыхнуло воспоминание, давнее, еще совсем детское, и Еан увидел нескладного мальчишку, чье лицо густо усыпали рыжие точки, почему-то особенно плотно облюбовавшие нос, а волосы — тоже рыжие — торчали в разные стороны забавными вихрами. Несмотря на невысокий, почти на полголовы ниже Стефана, рост, он покровительственно держал руку, белую кожу которой тоже густо

покрывали веснушки, на плече друга. «Предателей прощать нельзя, понимаешь?!»

— Кто это?

— Это Рыжий Бруно. — Похоже, это воспоминание доставило Стефану удовольствие. — Мы с ним с детства не разлей вода.

— А по какому поводу вы предателей обсуждали? — Еану и впрямь стало любопытно.

— Да так, пришлось....

Уклончивый ответ говорил сам за себя.

— Предатель, он и есть предатель. Предателей не прощают.

Последняя фраза, по-видимому, снова напомнила Стефану о Николь, и он с тревогой спросил:

— Как думаешь, справлюсь?

— А до сих пор справлялся?

— Ну да, справлялся! И сейчас справлюсь. — Похоже, Стефан всерьез решил выкинуть бессердечную красавицу из своей жизни. И, считая вопрос исчерпанным, умолк.

Еан тоже сохранял молчание. Еще в детстве он раз и навсегда усвоил: все, кроме полной тишины вокруг получившего травму, будь она физической или моральной, является не просто лишним, но почти убийственным. Как говорил старый Дерк: «Представь, что из желания пожалеть кто-то пытается погладить открытую рану друга. Побуждение доброе — но приятно ли раненому или причинит ему нестерпимую боль? Такую же, если не большую, боль причинят и слова, пусть и сказанные из лучших побуждений. Ибо они царапают и бередают душевную рану не хуже звериного когтя, разрывающего плоть. Нет лучшей мази для заживления душевных ран, чем тишина».

Стефан погрузился в задумчивую угрюмость. Он мало ел, но, к счастью, много спал, тем самым вызывая тревогу у персонала клиники и лишая близких возможности выражать соболезнования. Ничего мудрее нельзя было и придумать.

Оставалось только ждать, когда затянется душевная рана.

К счастью, в отличие от переломов и травм, дурное настроение отлично залечивается таким препаратом, как дружба. Поэтому Еан несказанно обрадовался, обнаружив наутро, что в палату сквозь кордон из медсестры и санитарки прорывается небольшого роста паренек с огненно-рыжей всклокоченной шевелюрой. Человек повернулся, и, да — ошибка исключалась, он видел перед собой того самого веснушчатого Бруно, о котором говорил Стефан. Невысокий subtilный очкарик, украшенный густо усеявшими нос и щеки веснушками, тем не менее умудрился покорить обаянием обеих барышень, ибо они смеясь удалились, беспрепятственно его пропустив.

— Привет, бомбила! И долго собираешься прохладиться? Что я, один, по-твоему, буду дамам ручки целовать?

Поток позитива, идущий от рыжего, едва не сносил с ног. «О, это то, что надо», — обрадовался Еан и, затаив дыхание, приготовился слушать.

— Привет, Рыжий! Долговато ты что-то добирался.

— Ага, долговато! К тебе даже мать родную не пускали, не то что всяких рыжих!

— Это она сказала, что ко мне можно?

— Ну да! Я же с ней каждый день перезванивался. Агнешка уже ревновать начала. Женщины — одно слово. — Парень улыбнулся, широко разведя в стороны руки.

— Так долго еще ты тут?

— Вообще-то долго. У меня позвонки пока еще сломаны.

— Да ладно! Врачи говорят, ты тут волшебным образом поправляешься, — типа, они сами понять не могут, как это делается. Но, я так понимаю, они просто тебя не знают — ты же у нас супермен, всегда добиваешься, чего хочешь. Николь-то приехала уже?

— Нет, не приехала. И не приедет. — Стефан протянул письмо, так и оставленное на прикроватном столике. — Вот, читай.

— Ну сука она! — Рыжий парень не церемонился в выражениях. — И что? Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Он, похоже, вполне мог прямо сейчас ломануться — то ли чтобы привезти эту самую Николь, то ли отправиться и высказать ей все, что подобало случаю. Этот парень нравился Еану все больше и больше.

— Я хочу, чтобы ты ничего с ней не делал. Пусть живет как хочет. Мне предатель ни к чему.

— Ага, понял... — Очкарику, похоже, не требовались дополнительные объяснения. — Кстати, — без всякого перехода продолжил он, — Руди тоже к тебе собирается. Говорит, при первой возможности примчится. Хотя, ты же знаешь, его возможности, в отличие от нас, свободных художников, резко ограничиваются расписанием. Но, по крайней мере, привет он тебе точно передавал.

— Отлично. Я тоже соскучился.

Больной на кровати наконец-то ожил настолько, что смог протянуть руку гостю, немедленно схватившемуся за нее обеими жилистыми лапами.

— Ну не может быть! Ты наконец-то вспомнил хорошие манеры!

— Кстати, о хороших манерах... — Стефан выглядел смущенным. — За маму спасибо. Неудобно вышло, мы и не поговорили толком. Как она?

— Да нормально она. Или ты думаешь, мы хоть на минуту сомневались, что ты выберешься? Размечтался! Ну, конечно, мы с Агнешкой старались, чтобы она не слишком скучала. Хотя как по мне, то пожить недельку-другую без тебя — уже подарок. Ничего, небось, справится. Сам знаешь, муттер у тебя — всем фору даст.

— Знаю, конечно. А как Агнешка?

— О, Агнешка, похоже, перешла в новую фазу — из куколки в бабочку. Во всяком случае, что-то похожее на крылья уже торчит.

— В смысле?

— У Агнешки выставка в Мельбурне, прикинь! В Brunswick Street Gallery. — Он явно гордился женой. — Завтра уже вылетаем.

— Так тебе же добираться еще. — Стефан, видимо, не на шутку встревожился.

— Ну, я, конечно, не такой бомбила, как ты, но доберусь. — От жизнерадостности рыжего, казалось, можно было прикуривать. — В конце концов, солнце еще высоко, да мне не до Мельбурна махать, а всего лишь до дому — каких-то километров шестьсот, не больше. Давай выздоравливай. Мы вернемся — и сразу к тебе.

— Тогда отправляйся. И Агнешке привет.

Рыжий, сверкнув напоследок очками и белозубой улыбкой, удалился. Но хорошее настроение, которое он принес, все-таки осталось.

Сохранилось оно и наутро.

Человек на кровати завозился, просыпаясь, сладко, по-детски потянулся во весь рост и, словно не было этого огромного перерыва, произнес:

— Доброе утро! Ты еще здесь?

— Привет! Конечно, куда же я денусь?

Еан хотел, чтобы фраза прозвучала легко, но скрыть хотя бы от самого себя горькую

правду не удалось: он действительно оказался в большой степени привязан к этому месту и к человеку на кровати.

Стефан уловил эмоцию и замолчал, видимо, не зная, как быть. Но что-то и впрямь изменилось, ибо, покончив с завтраком, он решил выяснить все от начала до конца:

— Послушай, а ты вообще кто?

— Я? — Еан вдруг растерялся, не зная, какими словами вообще можно объяснить, кто он такой.

— Ну да, ты! Ты же как-то появился здесь и, похоже, меня вылечил. Имею же я право знать, кто ты такой! Ты не рассказывай — покажи мне, как я тебе.

«Смотри-ка, а парень, кажется, быстро учится». Еану он все больше нравился.

— Ну что же, смотри.

И он распахнул сознание.

Стефан долго молчал, осмысливая информацию.

— Так, получается, они в самом деле у тебя тело украли? Эти шорги, да? А вернуть его можно?

Этот парень схватывал все на лету.

— Если честно, то я точно и сам не знаю. Но думаю, что можно. В конце концов, зачем-то его же украли. И уж точно не для того, чтобы похоронить с почестями. Если бы им нужен был труп, сразу и убили бы — во всяком случае, попытались бы. Но тут что-то другое, а потому хотелось бы попробовать. Да и еще есть что у этих красавцев спросить.

— Расскажи!

Это была не просьба, а требование, вполне, с точки зрения Еана, справедливое.

Рассказ получился долгим.

Шорги

Шорги появились в их галактике около двух тысяч лет назад. Собственно, появились — это мягко сказано. Если Еан не ошибся, вспоминая хроники, то, взявшись словно ниоткуда, они обрушились боевыми кораблями на небольшую планетную систему на периферии. Тамошний управляющий успел послать сигнал бедствия, и военный флот немедленно бросился на помощь. Не выдержав атаки, захватчики с позором бежали. Однако победа получилась горькой, ибо за считанные дни даже самому стремительному флоту необходимо время, чтобы прибыть на помощь, — и население всех трех планет оказалось полностью уничтожено. Целая цивилизация исчезла бесследно.

Исчезли и шорги, но, к сожалению, не навсегда.

Они то пропадали на долгое время, то вдруг возникали, норовя захватить в атаке как можно больше планет. Невозможно было предугадать, когда или где случится очередное нападение.

Император усилил флот и создал звездный патруль.

Временами казалось, что уж теперь-то атака отбита навсегда. Но даже после сокрушительных поражений шорги появлялись вновь. Судя по всему, они не принимали в расчет поражений, вновь и вновь стремясь завоевывать целые планетные системы.

Сценарий повторялся практически без изменений: появиться неизвестно откуда, увернуться от патруля, постараться захватить как можно больше и — это вызывало самый большой гнев флотских — уничтожить разумную жизнь.

То, что флора и фауна оставались нетронутыми, не поддавалось объяснениям. Как они отличали разумных существ от неразумных? Почему пришельцы питали столь непреодолимое отвращение к любым разумным формам жизни? Ответа на эти вопросы не находилось.

В последние пятьсот лет нападения участились настолько, что требовалось принять экстраординарные меры. Одной из них и стало создание флотилии Геона. Наследный лорд возглавил отборную гвардию, призванную навсегда вымести захватчиков из галактики.

Старшего брата, лорда Геона рю дэ Гилета, Еан, естественно, помнить не мог: им так и не довелось встретиться. Собственно, если бы Геон был жив, пожалуй, родители ограничились бы одним ребенком, и не было бы на свете ни Алиты, ни его, Еана. Именно Геон — первенец, умница и любимец отца должен был унаследовать трон. И унаследовал бы, если бы не та атака.

Как и почему случилось, что именно на его флотилию обрушилось новое, доселе невиданное оружие, не знает никто. Историки предлагали всевозможные гипотезы, хотя Еан склонялся к мысли, что всему виной оказалась чистая случайность. Но случилось то, что случилось: шорги напали на флагманский корабль.

Что в точности произошло — осталось неизвестным. Уцелевшие, а ими оказались члены команд практически всей флотилии, за исключением флагманского корабля, утверждали единодушно: нападение началось внезапно. Враги появились словно ниоткуда, и результат оказался ошеломительным: абсолютно герметичная, способная противостоять метеоритной атаке обшивка оказалась вскрыта, как консервная банка. Внутренние перегородки тоже не стали преградой. Не уцелел ни один из находившихся на борту.

Особенно невероятным было то, что среди погибших не оказалось самого Геона. Наследный лорд в возрасте 342 лет — возрасте расцвета — бесследно пропал.

— Ну ничего себе!

Еан на мгновение забыл, что открыл свой разум для Стефана, который от изумления приподнялся на кровати.

— А как это они сделали?

— Никто не знает. — Пришлось признать очевидное.

— Так сколько лет назад, говоришь, они твоего брата украли? Я правильно понял — брата?

— Да, брата, старшего. Я его никогда не видел. Это еще до моего рождения случилось, двести тридцать лет назад.

— А тебе-то сколько?

— Мне-то? — Еан почему-то обычно испытывал неловкость, отвечая на этот вопрос. Маму обычно очень веселило такое смущение. «С возрастом это всегда проходит, мой мальчик», — говорила она. И сейчас вопрос его несколько смутил. — Я молодой еще, всего девяносто восемь. Наверное, моложе тебя.

— Что?! Да ё-моё, ты шутишь, парень! — Стефан был искренне возмущен. — Мне двадцать четыре, и я взрослый! Ты разыгрываешь меня или издеваешься? — Не дожидаясь ответа, он выпалил и следующую, внезапно возникшую мысль: — А ты вообще парень? Или у вас там как-то по-другому? И вообще, ты мне тут случайно не баки ли забиваешь?

Поток возмущения и некоторой растерянности был более чем искренним. «А вот интересно, я бы на его месте как реагировал? Поверил бы или тоже засомневался?» Ответа на этот вопрос у Еана не было. И потому он поспешил успокоить друга:

— Ну, врать-то мне вроде как незачем.

— Допустим. — Стефан так просто сдаваться не собирался. — Так что по поводу возраста? И по поводу парня?

«Похоже, проблема возраста есть не только у меня». От этой мысли Еану почему-то стало легче.

— Да парень я, парень. И с возрастом тоже все понятно. Вы же годы по вращению планеты меряете, верно? Я тут прикинул: наш год чуточку короче. Ваш, если не ошибаюсь, 525 600 минут, а наш — 521 300. Но если судить по твоему организму, то у вас продолжительность жизни должна быть 120-130 лет. А у нас — 900-1000. Мы гораздо дольше живем, но и взрослеем позже. Потому я считаю себя молодым.

— Ты хочешь сказать, по-нашему ты подросток?

— Ну, может, не подросток, чуть постарше. Пожалуй, по вашим меркам мне лет 18-19, как-то так.

— М-да... — Стефан задумался. — Тогда я, выходит, старше. Но ты, блин, монстр тогда настоящий! Чтобы малолетка столько знал и умел! Это что же с тобой дальше будет?

— Ну вот как раз что дальше будет — неизвестно. Если я себе тело не верну, то ничего не будет. — Еан все-таки не удержался от вздоха при мысли о «ничего не будет».

— Да это, ясен хрен, само собой понятно, вздыхай, не вздыхай! — В наблюдательности Стефану отказать было нельзя. — Я никак в толк не возьму: получается, эти шорги — или как их там? — ну, враги ваши, короче, — они твоего брата украли, а потом у тебя тело отняли — так?

— Да.

— А почему ты живой?

— Не знаю. Наверное, жить хотелось. Ну и, возможно, тело еще тоже живо.

— То есть тебя как бы на кусочки разобрали? Ну вроде моего болида, если корпус отдельно, а компьютер отдельно?

— Почти, — усмехнулся сравнению Еан. — Вроде болида. Только болид есть, а пилота в нем нет. Вот болид и стоит в ожидании. Он же, когда ты из него вылезешь, не портится?

— Не портится, — согласился Стефан. — Ну если меня или кого-то другого долго не будет, начнет ржаветь, пожалуй. Или, если без охраны, могут открутить чего. Или вообще угнать. Эй, — внезапно осенило его, — а в болид другой пилот сесть может! А в твое тело?

— Это вряд ли. Оно все-таки мое личное, под меня скроено. Но портиться тоже может — стареть, например.

— Но не умрет?

— Не знаю. Я чувствую, что где-то оно еще есть. Но точно не уверен — никогда о таком не слышал.

— А как же этот... ну брат твой — как его? Геон, да? Он же тоже исчез? С ним, может, то же самое случилось?

— И с ним, и с Алитой.

Еан нашел в воспоминаниях парадный портрет сестры, гордо сидящей на своем графитовом зирге. Платье винного цвета выгодно подчеркивало нежную, молочно-белую кожу ее лица, обрамленного густыми черными локонами. Портрет был парадным и, согласно требованиям этикета, строгим. Но художнику все-таки удалось передать взгляд, полный одновременно и чувственности, и легкой насмешки.

— Красивая... — Восхищение Стефана побудило Еана ощутить гордость за сестру.

— Очень красивая, — не удержался он от легкого хвастовства. — Она меня всего на

29 лет старше.

— А ее тоже так?

Еан вздохнул, возвращаясь мыслями к печальным событиям:

— Да в том-то и дело.

Было бы тело, он бы просто беспомощно пожал плечами. А что тут можно сказать?

Генетическая особенность рода дэ Гилетов позволяла предположить, что и Геон, и Алита еще живы. В конце концов, сам-то Еан точно живой, каким бы странным это ни казалось. Вряд ли покойнику под силу помогать живым чинить их тела. Еан даже немножко гордился собой.

— Рассказывай дальше, — напомнил о себе Стефан.

Возможно ли остаться в живых в условиях открытого космоса даже дэ Гилету — точно не знал никто. Но верховный лорд (Еан подозревал, что без маминой уверенности тут не обошлось) бросил на поиски сына все мыслимые и немыслимые силы.

Однако найти Геона не удалось. Как, собственно и шоргов, бесследно исчезнувших из галактики.

Поиски продолжались, но жизнь брала свое — империи нужен был новый наследник.

Так на свет появились сначала Алита, а потом и он — Еан.

— А дальше?

Еан так увлекся рассказом, что почти позабыл о единственном слушателе.

— Так я же и говорю: дальше появилась Алита, а потом я.

— А Геон? Его нашли?

— Нет, так и не нашли. Но искали долго — Алита родилась только через сто три года после того, как Геон пропал.

— Дай-ка угадаю. — Стефан не удержался. — Она родилась, и эти шорги снова пришли.

— Угадал. — Глупо было отрицать очевидное. — Так и случилось. До сих пор неизвестно, совпадение это или они каким-то образом наблюдали, но такой атаки никогда раньше не было: эти гады попытались захватить метрополию! По всей империи празднества, представь — рождение наследной принцессы, народ гуляет, а тут вдруг с неба — прямая атака! Главное, мимо всех проскочили, не ждал ведь никто — расслабились за столько-то лет.

— И что? Принцессу украли? — Не на шутку разыгравшееся воображение Стефана живо подсуло ему мультяшную картинку с драконом, уносящим принцессу. На секунду он и сам смутился от неловкости — речь шла как-никак не о какой-то сказочной принцессе, а о сестре его спасителя. Но Еана, похоже, это не зацепило.

— Да ты что! Отбились, конечно. Они как-то умудряются на скорости передвигаться невидимыми, а перед планетой затормозили. Тут-то Коро Риота их и углядел. Представляешь — молодой лейтенант, только погоны получил. Он и в командах оказался только потому, что капитан по случаю празднований отбыл на флагман. А тут — шорги. И катер маленький, и команды — два с половиной бойца, и сам зеленый, как огурец. Но у парня нигде даже не екнуло, как будто каждый день атаки отбивал. Представляешь, народ гуляет, никто ничего не ждет — и вдруг мелкий катер врубает тревогу, так что все пространство звенит, и бросается в атаку на межгалактическую машину, рядом с которой он просто муха. По идее, его задачей было только обнаружение. Но у них просто выхода другого не оставалось — на внутреннем периметре никого больше не было, а счет на секунды шел. Короче, пока крейсера разворачивались, пока шли к внутреннему периметру, катер был единственным, кто удерживал шоргов от посадки. Ребята обстреляли все, что могли,

и что-то там им здорово повредили, потому что садиться те внезапно передумали и попробовали удалиться. Так Коро Риота сел им на хвост и держал, пока крейсер не подошел. Главное, те уже режим невидимки включили, приборы крейсера их не видят, а катер так близко, что ребята не в приборы, а глазами в иллюминаторы смотрят. Так вручную наводку для крейсера выставляли, в последний миг с линии огня убрались. Ну те их и подорвали.

Еану так часто доводилось видеть кадры того боя, что он без труда мысленно прокрутил их для Стефана.

Тот аж дышать забыл, шумно вздохнув только тогда, когда огромная вращающаяся деталь, оторванная взрывом от вражеского корабля, пролетела в считанных метрах от камеры.

— Ух ты! Близко-то как! А ну как попала бы?

— Тогда не было бы в живых ни верховного командора императорской эскадры Коро Риоты, ни всей команды.

— Так его командором сделали?

— Не сразу. Сначала наградили, конечно. Папа лично орден вручал. А потом еще обучали. Ты же понимаешь, командовать эскадрой — это тебе не шутка.

— Ну так нашел он этих шоргов в конце концов?

— Представь себе, нашел!

Еан вспоминал, и перед Стефаном разворачивались картины эпической битвы. Больше всего происходящее напоминало фантастический фильм, и Еану приходилось периодически напоминать себе, что это свидетельство реальных, хоть и удаленных во времени и пространстве событий.

Бо Риота вышел на охоту не с пустыми руками — ученым Амагеро все-таки удалось создать собственное «поле-невидимку», которым немедленно оснастили эскадру. Возможность оставаться невидимым для противника подсказала стратегию. Операцию назвали просто «Ловушка для шоргов». Больше всего это было похоже на мышеловку, которую устанавливают перед мышьиной норкой. Вот только роль сыра в мышеловке играла планета.

По громкой связи на весь космос прозвучал приказ:

— Команде патруля немедленно прибыть в полном составе в метрополию.

Тут-то и крылась тайна. Настоящие инструкции предписывали совершенно другое: создать как можно больше шума в эфире, выражая всяческое недовольство приказом и открыто обсуждая с капитанами кораблей возможность бунта.

Приманка была сладкой: целая никем не охраняемая планета, патруль которой к тому же вовсе не горит желанием вернуться на базу. Ну а уж эскадра бо Риоты, включив «поле-невидимку», давно заняла стратегические позиции, образовав ловушку, готовую захлопнуться при первом же появлении вражеского корабля.

Ждать пришлось недолго.

Шорги не удержались от соблазна.

И вот впервые за полторы тысячи лет появилась возможность узнать врага в лицо!

Корабли — целых два корабля противника — приблизились к планете. Искусственное магнитное поле — еще одна находка ученых — не только полностью обездвижило их, но и заблокировало работу внутренних систем, не оставив врагам ни единого шанса. «Добычу» доставили на специально выделенный для этой цели астероид, где в спешном порядке воздвигли некое подобие крытого ангара, чтобы обеспечить условия, пригодные для жизни, не забыв нашпиговать его всеми мыслимыми средствами наблюдения. Бойцы бо Риоты охраняли пленников, а лучшие умы Амагеро получили возможность изучить этих странных существ.

Роботы под управлением охраны старались вовсю, и вот уже первые пленники преодолели шлюзы ангара. В процессе передвижения через туннель, соединивший корабли с ангаром, каждый из них прошел биометрическое сканирование. На одной из конечностей им также закрепили небольшой сканер, очень напомнивший Стефану бывшие несколько лет модными огромные наручные часы. По одному пленники выходили из туннеля и представляли во всей своей красе.

Так вот кто такие шорги!

Внешне они походили на некий гибрид муравья и снеговика, каким его рисуют дети: три шарика, поставленных один на другой. Верхний шарик являлся аналогом головы — во всяком случае, на нем присутствовало некое подобие глаз и рта, а также несколько парных отростков неизвестного назначения. Средний шарик по аналогии выполнял функции грудной клетки и был снабжен двумя парами суставчатых конечностей. Нижний — даже не шарик, а овал — являлся, соответственно, животом. Из него вниз выходили еще две пары конечностей, служивших для передвижения. Цвет кожи — а может, это был хитин, уж больно пришельцы смахивали на насекомых — варьировался от светло-кремового до темно-коричневого, хотя преобладали рыжие тона. Между собой пленники общались шелестяще-шипящими звуками, перемежаемыми время от времени громким щелканьем.

Стефан замороженно, как в детстве, ждал продолжения сказки:

— Так а что они говорят? Их хоть кто-то понимает?

— Понимают, понимают, — поспешил успокоить его Еан. — Не сразу, конечно, но сделали переводчик.

И он показал машинку, лихо преобразующую речь алеотов в щелканье и шипение.

— И что? Про Геона удалось узнать? — Стефан от нетерпения даже заерзал на кровати.

— К сожалению, нет. Ни о каком наследном лорде никто из них и слыхом не слыхивал.

— Так что, до сих пор ничего?

— До сих пор. Ни о нем, ни об Алите ничего не известно.

Разговор вызвал такую волну ощущения потери, что она захлестнула обоих, вызвав совместный судорожный вздох и торопливую попытку загладить невольную вину:

— Прости, я не хотел!

То, что Стефан не имел злого умысла, сомнений не вызывало. Ну откуда ему было знать, насколько еще живы воспоминания об Алите — друге и кумире Еанова детства. Сестра была совершенством. У нее, красавицы, внимания которой добивались толпы поклонников, всегда находилось достаточно времени для младшего брата. Нахлынули ощущения: вот он, совсем еще малыш, сидит в седле перед ней, ветер бьет в лицо, и белая шерсть зирга, вздымаясь в такт отбиваемого копытами ритма, то и дело накрывает его коленки, а рука Алиты — теплая и уверенная — крепко удерживает маленького брата, в то время как зирг мчится во весь опор, давно обогнав всю кавалькаду. И только свист в ушах, и ветер, пахнущий травой и пылью, и мягко щекочущая ноги шерсть, и рука — надежная, твердая и мягкая одновременно.

А вот — осенний бал. Еан, еще подросток, впервые надевший взрослый, подобающий случаю наряд, смущаясь, выводит на танец сестру, ослепительно прекрасную в невероятного цвета багряном платье, чтобы открыть бал, и больше всего на свете боится споткнуться. И она, поймав предательскую эмоцию, тихо шепчет: «Это ты еще без шпаги. А представь: еще и шпага между ног...» И, живо вообразив себе эту нелепую картину, оба заливаются хохотом, скользя по полу,

натертому до блеска. Глупый страх, сковывавший движения, мгновенно сменяется восторгом, и они несутся по залу, кружась и заражая всех вокруг своим весельем.

Разумеется, едва открылся бал, отбоя от кавалеров у Алиты не было. А вот Еан впервые почувствовал на себе женские взгляды, от которых бросало в жар. «А принц-то как повзрослел», — долетел откуда-то шепот. Но он-то знал: если бы не Алита, он ни за что не сумел бы справиться с тем дурацким волнением.

Еан перевел дух, отодвигая от себя воспоминания.

— Алита, — задумчиво протянул Стефан. — Так вот какая у тебя сестра. А с ней что произошло?

— То же, что и с Геоном. Во всяком случае, очень похоже.

Показалась картинка вскрытого, как консервная банка, корабля, где среди погибших не нашлось одного-единственного тела — наследной принцессы. Она, как и вся команда на борту, была в форме, и каким образом шорги сумели отличить ее от других членов экипажа, никто так и не догадался.

— Ладно. — Еан устал от воспоминаний. — Вот смотри последнее.

И он показал то, что на всю жизнь отпечаталось в памяти, — свой собственный корабль, а точнее, взрыв, унесший его прочь от разлетающихся обломков и удирающих прочь воров с его собственным телом.

— Да, история... — Стефан заложил руки за голову и устроился поудобнее. Что еще пару дней назад подобное движение из-за сломанных ребер было бы невозможным, он даже не заметил. — И как теперь быть? Не можешь же ты вечно со мной здесь сидеть. Тем более что я-то вряд ли тысячу лет проживу. Тебе свое тело возвращать надо! А я, кстати, твой должник: ты меня по кусочкам собрал. Тебе, небось, помощь нужна. Так ты говори, что делать надо.

Парень искренне хотел помочь, и у Еана не хватило духу признаться, что плана у него пока нет. Ибо для выполнения любого плана нужен, по крайней мере, один космический корабль.

Карло

Стефан после обеда все-таки не удержался и прилег — тренировки давались нелегко, несмотря на ходунки. Ослабшие за месяц мышцы пока не слишком справлялись со своей работой.

Разумеется, хотелось бы уже как можно скорее вернуть телу былую легкость, когда ничего не стоило, упершись одной рукой, шутя перемахнуть через барьер или, как в детстве, точным ударом послать мяч в дворовые, сооруженные на скорую руку ворота.

Да, конечно, врачи, чуть не ежедневно пачками заваливающиеся в палату, чтобы посмотреть на чудо-выздоровление, с ним вряд ли согласились бы. С их точки зрения, то, что после такой аварии пациент не просто пришел в себя, а зарастив все переломы, пытается вернуть способность самостоятельно передвигаться, уже являлось чем-то уникальным.

Но даже если так, сам факт, что прежде послушное тело надо, как в детстве, укладывать днем спать, вызывал досаду. Но ничего не поделаешь. И Стефан, вздохнув, откинулся на подушки.

Он даже задремал, но, услышав легкий скрип двери, с интересом приподнялся на локте.

Незнакомец в накинутом на плечи белом халате и напыленных на ноги бахилах стоял в дверях, с недоверием глядя на обитателя палаты. Молчание затянулось. Наконец

посетитель решил:

— Простите, синьор, вы не подскажете, где я могу видеть Стефана Шумахера?

— Это я.

— Простите, синьор Шумахер, но мне нужен Стефан Шумахер, который попал в аварию.

— А вы, собственно, кто? Репортер?

Стефан разозлился не на шутку. Какой-то незнакомец врывается без всякого разрешения в палату почем зря, да еще и сомневается, туда ли он попал. Он уже готов был нажать кнопку вызова дежурной медсестры, но мужчина, угадав его намерение, поторопился представиться.

— Пойдите! — вскричал он. — Я не репортер, я Карло Рокка!

— И что?

— Вы же моего сына спасли! Нико!

Еан, до этого не слишком вникавший в диалог, даже напрягся: за все время их со Стефаном знакомства он знать ничего не знал ни про какого Нико Рокка, ни уж тем более про его спасение. Он прислушался внимательнее.

Стефан, впрочем, тоже внезапно передумал давить на кнопку — рука замерла, потом указала на стоящее в палате кресло:

— Садитесь.

Мужчина немедленно воспользовался приглашением и, торопливо прикрыв за собой дверь, шагнул в комнату. Проигнорировав кресло, он приблизился к кровати, едва не зацепив ногой некстати подвернувшиеся ходунки.

— Синьор Шумахер! Синьор! — От волнения его голос сорвался в фальцет, и он закашлялся. — Ой, простите, синьор! Вы наш salvatore («спаситель», итал.), вы всех нас спасли! И Николо, и Луизу, и меня. Мы все умерли бы, если бы вы не оказались рядом! Salvatore! Grazie alla Vergine Maria e Gesù («Спасибо Деве Марии и Иисусу», итал.). Я должен был на коленях стоять возле вашей кровати с того самого дня, как вас привезли сюда! Умоляю вас простить меня! И прошу вас, синьор Шумахер, скажите, что я могу для вас сделать? Конечно, я оплачу все лечение, все, что надо, вы не должны волноваться о деньгах! Но пожалуйста, скажите мне, что я могу сделать для вас? Я обязан вам жизнью моего ребенка, моей жены и своей жизнью! Прошу вас, располагайте мной!

Если бы Стефан не успел вовремя протянуть руку в протестующем жесте, гость, пожалуй, и впрямь попытался бы встать на колени перед кроватью. Поведение незнакомца, как, впрочем, и он сам, сильно отличалось от всего, что Еану до сих пор доводилось видеть. «Интересный персонаж», — подумал он и решил послушать, чем обернется сей внезапный визит.

— Сядьте, прошу вас. — Похоже, Стефан прочно держал ситуацию на контроле.

Еан отчетливо ощутил обе эмоции — смесь восхищения и растерянности гостя и интерес, сдобренный некоторой долей досады, у Стефана. Впрочем, интерес преобладал, и Стефан решил продолжить общение.

— Сядьте, — повторил он.

Незнакомец подчинился.

Теперь он сидел в кресле и во все глаза смотрел на Стефана, спустившего с кровати ноги.

— Простите мой вопрос, синьор Шумахер, но как же... — Посетитель указал на ходунки. — Мне сказали, вы...

— А я с ними не согласился! — Стефан, решительно взяв на себя инициативу, протянул незнакомцу руку, которую тот с благодарностью ухватил обеими руками. —

Давайте уж знакомиться. Стефан Шумахер.

— Карло. Карло Рокка. Что я могу сделать для вас?

— Давайте для начала вы мне расскажете, что все-таки произошло. А то я, знаете ли, хоть и был непосредственным участником событий, но в некоторый момент действительно потерял сознание.

— Так вы не читали газет?

— Нет, не читал. Сначала лежал в коме. А потом, когда решил, что надо все же возвращаться к жизни, был слишком занят, чтобы читать позавчерашние новости. Расскажите мне, пожалуйста, всю историю в подробностях.

Гость на мгновение задумался, словно выбирая, с чего начать. Затем, приняв, как видно, какое-то решение, кивнул:

— Хорошо, я начну с самого начала.